

ОБРАЩЕНИЕ КАК ОПЕРАТОР ПОРОЖДЕНИЯ РЕЛЯЦИОННОГО СМЫСЛА

Обращение как языковой феномен уже неоднократно становилось предметом исследований лингвистов. Однако рассмотрение уже хорошо изученных явлений в несколько ином, отличающемся от общепринятого, аспекте, позволяет «высветить» их новые грани, определить их скрытые потенции, глубже познать процессы их порождения и восприятия. Автор настоящей статьи рассматривает обращение не просто как название партнера для установление речевого контакта с ним, оно представляется скорее в качестве маркера личностного отношения говорящего к партнеру, средства, регулирующего социальные взаимоотношения. Иными словами, обращение функционирует как оператор порождения одного из макрокомпонентов смысла высказывания [3] – реляционного смысла, представляющего собой субъективное – не-нейтральное – отношение говорящего к адресату. Во взаимодействии с другими операторами порождения смысла обращения открывают потайные дверцы смысла, делают скрытое явным, поскольку они, даже не неся лексической информации, являются, тем не менее, прагматически информативными в той мере, в какой они отклоняются от нормы: «нестандартное обращение заставляет адресата искать причины такого речевого действия и формулировать их в терминах прагматической интерпретации» [2: 194].

Важность обращения при порождении смысла высказывания замечена многими лингвистами, о чем свидетельствует изданная в Тюбингене библиография по этому вопросу, включающая более 1100 источников [5]. В монографии, посвященной обращению, Ф. Браун отмечает, что эти единицы выражают отношение говорящего к адресату, а также дают характеристику самому говорящему, несут коннотацию о его воспитании, умении вести себя и социальном положении [6: 36].

Стандартные общие социальные обращения (*Herr, Frau*) являются универсальной формой этикетного контакта равных или неравных по статусу людей и знаком общения на социальной дистанции, в признаке такой статусной репрезентации, в возвышении партнера проявляются нормы вежливости. Специальные социальные обращения приняты по отношению к лицам, занимающим престижные должности в различных общественных подсистемах (*Ihre/Eure Majestät, Herr Professor*). Оба вида стандартных обращений имеют тенденцию к грамматикализации, выражающейся в том, что такие слова произносятся всегда в безударной позиции и становятся своего рода морфемами вежливости.

Нарушении правил употребления социальных обращений свидетельствует либо о низком социальном статусе говорящего либо о сознательном намерении обидеть, задеть адресата.

В понятийном содержании слова-обращения заложена «эмоционально-оценочная идея» (Т.Г. Винокур), которая обуславливает эмотивное отношение говорящего к адресату. Тогда включение обращения в высказывание нарушает закон языковой экономии и противоречит правилам речевого общения, предполагающим имплицирование самоочевидной информации. Такую избыточность мы видим, например, в высказываниях пожелания, где полная каноническая формула с вербальной представленностью говорящего и адресата дополнительно нагружается обращением: *Ich wünsche Dir alles Glück, Fritz* <..> (*Konsalik*). Несмотря на то, что личное местоимение второго лица (*Dir*) при непосредственном общении достаточно четко определяет адресованность высказывания, обращение выполняет, тем не менее, исключительно важную коммуникативную функцию: оно подчеркивает ориентированность пожелания на адресата, придает ему особую убедительность, является вербальным «касанием», «поглаживанием» адресата, то есть четко маркирует контур реляционного смысла высказывания, выводит его на передний план. Еще пример: *Ich danke, dir, Simmerl, für die Worte* (*Bergner*) - несмотря на избыточность обращения в данном высказывании благодарности оно, употребленное в форме, свойственной неофициальному общению, имеет целью подчеркнуть дружеское отношение к адресату.

Эффект, создаваемый включением обращения в высказывание, варьируется от ситуации к ситуации: оно может значительно индивидуализировать высказывание, снижать степень его формальности, например, в очень клишированных высказываниях поздравления как *Meinen Glückwunsch, Kleiner* (*Schädlich*). С другой стороны, в праздничном, подчеркнуто торжественном, а также статусно маркированном дискурсе избыточное название адресата подчеркивает, что именно он и его жизненная сфера являются объектом интереса отправителя поздравления: *Lieber Herr Martini, ich bin, wie gesagt, sehr erfreut, Sie zu Ihrem großen Erfolge beglückwünschen zu können*.

Пример дополнительного социального "касания" обращением можно наблюдать и в моделированных высказываниях похвалы как *Ausgezeichnet beobachtet, Bruder Mathew* (*Matzuoka*) или *Wohl gesprochen, gute Bauernfrau* (*Matzuoka*), где включение обращения компенсирует отсутствие референциальной отнесенности. Обращением говорящий приближает себя к адресату, уменьшает ситуационно-статусный разрыв между собой и партнером. Особенно "чувствительны" к включению/элиминации обращения высказывания, состоящие только из оценочного наречия как *Ganz hervorragend, mein lieber Bert* (*Mayle*); *Brav so, mein Kleiner* (*Konsalik*): при попытке элиминировать

обращение в высказывании появляются новые смысловые оттенки: например, высказывание *Wie erfolgreich, Mark!* (Wussow) при отсутствии обращения превращает похвалу в ироничное замечание: ← *Wie erfolgreich!*

Обращения способствует также созданию определенного эмоционального контекста: человек, выражая свое субъективное отношение к кому-либо, не только дает ему оценку, но и испытывает при этом самую разнообразную гамму чувств (положительных или отрицательных). Если говорящий особенно заинтересован в том, чтобы повлиять на поведение собеседника в желаемом для него направлении, он, как правило, придает своей речи аффективную окраску, употребляет личностно-аффективные формы обращения, функция которых состоит не столько в привлечении внимания и назывании собеседника, сколько в характеристике собеседника, выражении своего эмотивно-оценочного отношения к нему. Мы называем такие обращения вокативами – комплиментарными, инвективными, порицательными – и рассматриваем их соответственно как операторы порождения реляционного смысла в соответствующих речевых актах (комплимент, инвектива или порицание).

Комплиментарный вокатив по определению есть комплимент, стянутый в обращение, но легко трансформирующийся в свою полную форму. В качестве таких положительно заряженных обращений выступают слова с зафиксированной в узусе положительной эмотивной оценочностью, они, будучи элементами разговорного субъязыка, сохраняют, по выражению В. Матезиуса, «специфический привкус» – отчетливо ощутимый оттенок фамильярности, свойственный разговорной речи. Комплиментарные вокативы выражают субъективно-положительное отношение говорящего к адресату, примерами таких вокативов могут служить слова *Schatz/Schätzchen*, *Liebling* или любое обращение в ситуации произнесения комплимента, как, например: *Liebes, reizendes Tantchen, du siehst entzückend aus in deinem Sommerkleid* (*Konzalík*). Первую часть приведенного высказывания можно трансформировать в полную формулу: *Du bist lieb und reizend, Tantchen, <und du siehst entzückend aus in deinem Sommerkleid>*. Комплиментарный вокатив может находиться в причинно-следственных отношениях с основным содержанием высказывания, например: *Kleine tapfere Frau! Kopf hoch!* <...> (*Tyran*) – приведенное высказывание может быть развернуто в *Sie sind eine kleine und zierliche, aber eine tapfere Frau, deshalb halten Sie Ihren Kopf hoch!*; оно выполняет одновременно с комплиментарной еще и ободряющую функцию в ситуации общения адресата с врачом перед принятием важного решения.

Такое индивидуальное название человека (как правило, любимого) имеет древнюю традицию и в высказываниях приведенного типа оно не только подчеркивает

особенность адресата, его непохожесть на всех остальных, но и выражает ласку, степень доверия к адресату. Э. Лайзи связывает значение специфического названия партнера при близких социальных отношениях с традиционными представлениями о «магии имен», в соответствии с которой «человеческое имя стоит в центре круга магических представлений» и составляет существенную и необходимую часть человеческой личности [7: 27]. Креативность выражающих свои нежные чувства коммуникантов при создании новых комплиментарных вокативов не имеет границ; используя метафору Э. Лайзи, можно утверждать, что комплименты просто «кишат» метафорами, уменьшительно-ласкательными словами и формами: *Simone, mein Herz! <...> (Uhl); Ach du, mein kleines unschuldiges Lämmchen! Du hast uns beide unsagbar gequält, nicht wahr? (Buchner); Aber es wird vorüber gehen, denn ich habe ja dich. Dich, du meine geliebte Frau! (Tyran).* Характерными являются уменьшительно-ласкательные суффиксы, присоединяемые не только к оценочным словам, но и к именам собственным, сопровождающимся притяжательным местоимением первого лица и прилагательными *klein, lieb, süß*, которые являются самыми частотными в комплиментарных вокативах: *Annilein, mein Liebes. Schau mich an, mein kleiner Liebling (Uhl).* Такое сочетание притяжательного местоимения, прилагательного и оценочного существительного или имени собственного может представлять собой законченное общеоценочное высказывание комплимента в интимной социальной сфере общения: *Simone, meine allerliebste Frau! (Uhl); Ach, du mein kleines süßes Engelchen! (Tyran); Dirk, mein Dirk. Mein lieber kleiner Junge du! Ich habe dich so lieb <...> (Uhl); Meine liebe Frau, die Sonne meines Lebens! (Tyran).* Можно сказать, что взаимное «переименование» партнеров является прототипичным языковым средством общения близких людей, выбор вокатива всегда индивидуален, главное для говорящего – поднять близкого человека над повседневностью.

Комплиментарные вокативы следует отличать от собственно обращения как простого сигнала привлечения внимания, выполняющего функцию идентификации адресата. Ласкательные слова при употреблении в роли традиционного обращения теряют свой оценочный компонент, сохраняя, однако, значение для выражения отношения говорящего к адресату, поскольку изменение ритуала обращения может привести к изменению отношений. Ласкательные слова в функции обращения не употребляются самостоятельно как комплиментарные вокативы, а сопровождают различные речевые акты, создавая атмосферу интимности и доверительности, например, речевой акт эмоционального приветствия: *Liebes, wie schön, dich zu sehen! (Brehm)* или *Guten Abend, kleine Waldfee! (Buchner);* речевой акт просьбы о прощении: *Liebling, verzeih, wenn ich etwas heftig war (Brehm);* речевой акт напоминания: *Bruderherz, hast du vergessen, dass*

Armin heute zum Kaffee kommt? (Brehm); речевой акт обещания: <...> Aber Sie sollen sich nicht mehr über mich zu beklagen haben, schönes Kind (Tyran) и др.

Полной противоположностью комплиментарного вокатива является инвективный вокатив – оскорбление, стянутое в обращение, посредством которого говорящий выражает свое отрицательное отношение к объекту инвективы. Такой вокатив представляет собой редкий случай слияния воедино четырех основных компонентов смысла – пропозиционального, эмоционального, оценочного и реляционного. Операторы порождения всех четырех элементарных смыслов действуют симультанно, способствуя освобождению от отрицательных эмоций и выражая отрицательную оценку адресата. В качестве инвективных вокативов выступают, как правило, бранные слова и вульгаризмы, выраженные оценочными существительными (с узуальной отрицательной оценочностью), которые используются в процессе общения главным образом с намерением оскорбить адресата и сделать это в как можно более уничижительной, резкой, грубой или циничной форме: *Halt die Fresse, du Luder! <...> (Konsalik)*. Лексика, используемая в инвективных вокативах, не закреплена за определенной функционально-стилистической сферой и не ограничена в употреблении рамками социальных или профессиональных групп: инвективные, порой очень грубые, лексемы могут появиться в речи представителей не только низших социальных слоев, но и людей с высоким социальным статусом, которые, как и «нормальные» люди, подвержены приступам гнева и желания унижить собеседника: *Markiere keine Ohnmacht, Feigling! (Remarque); Vergiss nicht, was du mir zu verdanken hast, du kleiner Emporkömmling! (Wussow)*.

В качестве инвективных вокативов используются лексемы самых различных категорий. Например, слова-фаунонимы - лексемы с отрицательными коннотативными компонентами значения, ставшими фактом коллективного языкового сознания и как таковые зафиксированными в парадигматическом значении слов: *Esel, Hund, Affe, Schwein, Wurm, Ratte, Kamel* и др. Они являются своего рода зоосемантическими метафорами, эллиптированными сравнениями, в которых подчеркивается особенное качество (*tertium comparationis*) – в инвективах всегда отрицательно оцениваемое адресатом, объединяющее два сравниваемых лица: при инвективном употреблении слова *Kuh tertium comparationis* является глупость адресата и его большой объем (*dumm und dick wie eine Kuh*): *Du kannst mich, du dumme Kuh! <...> (Bobker)*. Инвектива *Schwein (Sau)* касается нечистоплотности (в переносном смысле тоже) этого животного, качества, легко переносимого на человека (*schmutzig wie ein Schwein*): *Ist dir heiß geworden, du dickes Schwein? (Konsalik)*. *Tertium comparationis* при инвективном употреблении слова *Hund*

является злой характер, слов *Kamel*, *Pute* – глупость, слова *Wurm* – пресмыкаемость, ничтожность, слов *Schlange*, *Ratte* – коварство и хитрость, *Affe* – кривляние.

Наиболее концентрированной формой инвективного вокатива является сочетание оценочного существительного и личного местоимения второго лица (часто в постпозиции к существительному): *Balg! Giftpilz du! <...> (Mann)*. В этой категории вокативов тоже можно наблюдать огромное количество метафор, основой для которых служат, например, названия фекалий и выделений организма: *Du umgekippter Eimer Scheiße! (Schädlich)*; *Du dreckig alter Mistkerl, du Hundescheiße, du Totengeripp! (Lewycka)* или мифологические образы: *Du Miststück, verlogene Schlange, Hexenweib! (Lewycka)*; *Du Kind des Teufels, du Feind aller Rechtschaffenheit! (Matzuoki)*.

Распространенным средством образования инвективных вокативов является метонимический перенос: *Du Arschloch. Meinetwegen kannst du so weitemachen (Wussow)* – инвектива называет часть тела, обозначая человека в целом (*pars pro toto*); *Ihr Großmäuler! (Konsalik)* – в качестве инвектив использованы бахуврихи – посессивно-метонимические сложные существительные. Часто метонимические инвективы имплицитно в своем значении сравнение объекта с половыми органами *Du Schlappschwanz! (Konsalik)*; *Du nichtsnutz Schrumpelhirn und Schrumpelschwanz! Esel! (Lewicka)*.

Иногда инвективный вокатив относит партнера к классу, обозначенному существительным с синтаксически обусловленным оценочным значением – существительным, не имеющим в своем значении семы оценки, но выполняющим субъективную оценочную функцию в определенном контексте. «Субъективность значения лексико-фразеологических единиц инвективной речи обуславливается тем, что предмет речи оценивается эмоционально-отрицательно не потому, что он бесполезен, неморален, антиэстетичен, а исключительно потому, что субъект речи в данный момент с их помощью выражает свое отрицательное эмоциональное состояние или, очень часто, соответствующее отношение к собеседнику» [1: 68]. В примере – *Zieh dich an und verschwinde! – So nicht, du Mumie! (Konsalik)* предметом оскорбления является возраст и худоба адресата, что дает повод для его сравнения с мумией. В системном значении слова *Mumie* отрицательно-оценочная сема отсутствует, и только учет всех параметров коммуникативно-прагматического контекста (недовольство говорящего исходом дела, отражающееся на его эмоциональном отношении к адресату) позволяет наиболее точно идентифицировать как саму инвективу, так и степень ее оскорбительной нагрузки в речевом акте.

Инвективный вокатив отличается и некоторыми синтаксическими особенностями, например, наличием семантически нерелевантных повторений и пауз: ... *du Schwein ... du*

elendiges Schwein ... du elendiges Schwein ... (Bergner). В многократном повторении одного и того же проявляется возбуждение говорящего: находясь в состоянии аффекта, он не находит сразу нужные слова, это ведет к появлению повторяющихся логически и синтаксически незаконченных фраз.

Особенностью инвективных вокативов, как уже указывалось, является постпозиция личного местоимения по отношению к инвективной лексеме (*Balg! Giftpilz du! Großhans! stinkender Blähwind! (Mann)*) или постпозиция атрибута по отношению к определяемой им инвективной лексеме (*Komm her, wenn du Mut hast! Komm her, du Schwein, du verfluchtes! (Konsalik); Blödmann, doofer! (Pinkwart)*). Характерным является также позиционирование местоимения в начале и в конце инвективного высказывания, которое Х.В. Шуманн [9: 272] называет прономинальным повторением: *Du Sau du! (Konsalik); Sauf deine Pisse selber, alte Ratte, hau ab hier, du Verbrecher du! (Schädlich)*. Такое позиционирование местоимения является дополнительной вербальной «оплеухой» адресату, инвективной рамкой вокатива.

На той же эмоционально-оценочной шкале, что и инвективный вокатив, располагается порицательный или ругательный вокатив. Он чаще всего сопровождает порицание, являясь его эмоциональным «фоном», например: *Wo ist William? Sie Lümmel, Sie sind einfach verschwunden! Und Ihre Betsy weint den ganzen Tag! (Konsalik)*. Порицательный вокатив можно считать коммуникативным омонимом инвективного вокатива, поскольку в их основе лежат одинаковые синтаксические модели и лексическое наполнение моделей может быть идентично, ср.: инвективное высказывание *Du verlogenes Aas! (Noll)* и порицание *Du unverschämter Kerl wirst dich sofort bei mir entschuldigen! (Noll)*. Но их сходство внешними признаками и ограничивается, поскольку на интенциональном уровне граница между ними маркирована резко: в порицании вокативы играют вспомогательную роль, они только сопровождают основное содержание высказывания, собственно ругание, являются его эмоциональным катализатором, сигналом психологического состояния говорящего, своего рода эмоциональной лакмусовой бумажкой. В инвективах же вокативы представляют собой пропозицию, основное содержание высказывания, их коммуникативное назначение – «ударить» словом, задеть, обидеть.

В порицательных вокативах персонифицируется осуждаемое действие или поведение, качественная характеристика при этом либо называется прямо (*Sie – Sie Frechling. Jetzt weiß ich, was hinter Ihrer angeblichen Leutseligkeit steht. Sie wollen Geld machen mit anderer Leute Kinder (Buchner)*) либо замещается образами-заместителями в

переносном значении, которые усиливают экспрессию: *Fünfzig Kniebeugen, das Gewehr in Vorhalt, ich bring Ihnen bei, wie man mit einer Waffe umgeht, Sie hohläugiges Gespenst!* (Noll).

В высказываниях, где оценка передается при помощи существительных в переносном значении, оценочный эффект достигается в результате нарушения семантического согласования: происходит перенос общего признака с объекта первичного наименования на объект вторичного наименования, например, адресат порицания <...> *Und du Rindvieh gehst hin und hängst dich an die Tochter des Chefs. Kreuzdonnerwetter, ich sollte dir wirklich eine kleben!* (Konsalik) оценивается говорящим как недалекий человек, не думающий о будущем и о последствиях своих поступков. Ему приписываются характеристики соответствующего животного, который в немецкой языковой культуре представляется большим и сильным, но не обладающим выдающимся умом. Актуализация оценочного признака в словах этой группы приводит к изменению их синтаксической функции: референтные (идентифицирующие) имена переходят в предикативные (характеризующие). Ярким доказательством сказанному является употребление разных квалифицирующих прилагательных в роли атрибутов при таких существительных: при употреблении существительного *Rindvieh* в первичной функции его могли бы определять прилагательные *stark, teuer, gut, rassig*. В порицаниях данное существительное сочетается с прилагательным *himmelhoch*, которое эмоционально характеризует степень глупости адресата: *Himmelhohes Rindvieh, du darfst doch nicht sagen, es soll weh tun, du musst sagen, es tut weh!* <...> (Noll).

В качестве порицательного вокатива возможно и использование существительных с синтаксически обусловленными оценочными значениями. Они не имеют семы оценки в семантической структуре, однако в определенном контексте, находясь в предикативной позиции, выполняют оценочную функцию. Механизм возникновения оценки в таких случаях обусловлен тем, что существительные с семантикой, далекой от ярко выраженной качественности, могут осмысливаться как совершенно определенные качественные единицы. Например, порицание солдата на учениях за неосторожность: *Vetter, werden S wohl liegenbleiben! Sie san tot! Tot san Sie! Sie depperte Leich, Sie depperte!* (Noll). Коммуникативной функцией приведенного высказывание никак не является унижение партнера, поскольку порицающий офицер искренне расположен к юным солдатам, переживает за их ошибки, которые могут в иных обстоятельствах стоить им жизни – номинация *Leiche* эмоционально указывает солдату на то, что в боевых условиях его уже не было бы в живых. Значит, мы с уверенностью можем определить это высказывание как отрицательную квалификацию действий ее адресата, эмоционально «приправленную» порицательным вокативом *Sie depperte Leich, Sie depperte!*

Обращает на себя внимание функционирование в качестве порицательного вокатива широкозначного существительного *Ding*. Слова такого рода А.А. Уфимцева определяет как промежуточные полудейктические знаки, объединяющие в своем значении назывные и указательные семы [4: 188-192] – они, несмотря на свою семантическую опустошенность и контекстуальную обусловленность (как местоимения), сохраняют свое – частично десемантизированное – номинативное значение. Степень индивидуализации признаков при обозначении их существительным *Ding* минимальна, поэтому оно способно замещать любую единицу класса существительных с более конкретной семантикой.

Исследователь соответствующих слов английского языка Х. Шмид дал им метафорическое название «слов-раковин» (*shell nouns*) [8: 30]. Он рассматривает их как своего рода пустые контейнеры, в которые в благоприятных для раскрытия «створок раковины» условиях, то есть в определенном контексте, как жемчужина вкладывается прагматическое содержание высказывания – в порицании это информация о пренебрежительном эмоционально-оценочном отношении говорящего к адресату (называние партнера неясным, расплывчатым «нечто» возможно только при отсутствии уважения и любви к нему). Сочетание нейтрального по характеру существительного *Ding* с оценочными атрибутами отрицательной коннотации усиливают степень пренебрежения, эмоционально заряжают его: *Nur Ärger hat man mit dir, du ungeratenes Ding (Bobker)*.

Краткое рассмотрение функционирования обращений-вокативов доказывает многообразие их воздействия – в любом речевом акте при включении в его состав этого оператора создаются новые сочетания смысловых нюансов, обращение модифицирует общий смысл, «чеканит» его новые лики, выводя на передний план отношение говорящего к адресату. Обращение-вокатив наделяет смысл высказывания положительным или отрицательным зарядом, оно всегда оценочно – произнося речевой акт, говорящий выражает свое уважение к адресату, поклонение ему или указывает на очевидность своего неуважения к нему, презрения. Вокативы как операторы порождения реляционного смысла редко представлены в высказываниях в одиночестве, они, как правило, взаимодействуют в процессе порождения смысла с другими операторами (порядком слов, специальными синтаксическими средствами, просодией), повышая эмотивную «плотность» высказывания. Очевидно, что каким бы незначительным, случайным и «внешним» ни казалось обращение или любой другой языковой элемент сам по себе, его взаимодействие с другими элементами именно в данном речевом фрагменте может иметь существенные последствия, заставляющие признать в этом операторе одного из «истинных героев» (по выражению Р. Якобсона) разыгрывающегося в нашем сознании смыслового действия. Знание этих операторов и их потенций при порождении смысла

указывает адресату путь для понимания всех смысловых оттенков и перспектив и адекватной интерпретации всех актуализированных в речевом акте элементарных смыслов.

Библиографический список

1. Бельчиков Ю.А. Инвективная лексика в контексте некоторых традиций в современной русской речевой коммуникации // Филологические науки. – 2002. – №4. – С. 66-77.
2. Карасик В.И. Язык социального статуса. – М.: ГНОЗИС, 2002. – 333 с.
3. Трофимова Н.А. Мозаика смысла: элементы и операторы их порождения. – СПб.: Знание, 2010. – 120 с.
4. Уфимцева А.А. Типы словесных знаков. – М.: URSS, 2004. – 205 с.
5. Braun F., Kohz A., Schubert K., Anreddeforschung: kommentierte Bibliographie zur Soziolinguistik der Anrede. – Tübingen: Narr, 1986. – 404 S.
6. Braun F. Terms of Address: Problems of Patterns and Usage in Various Languages and Cultures. – Berlin: de Gruyter, 1988. – 372 p.
7. Leisi E. Paar und Sprache. Linguistische Aspekte der Zweierbeziehung. – Heidelberg: Quelle und Meyer, 1978. – 167 S.
8. Schmid H.-J. English Nouns as Conceptual Shells. From Corpus to Cognition. – Berlin: de Gruyter, 2000. – 457 p.
9. Schumann H.B. Sprecherabsicht: Beschimpfung // Zeitschrift für Phonetik, Sprachwissenschaft und Kommunikationsforschung. – 1990. – Bd. 43. – S. 259-281.